

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 **Лето горячих дел / Валерий Шарапов.** — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-201042-2

Весна 1945 года. Демобилизовавшись из армии, боевые товарищи майор Валерий Волошин и капитан Алексей Комов устраиваются на работу в МУР. Обстановка в городе тревожная: с фронта возвращаются люди, которые научились убивать, на руках много трофейного оружия... Оперативникам удастся ликвидировать банду, которая долгое время грабила сберкассы и машины инкассаторов, устраивала теракты и саботаж. Выясняется, что главарь отморозков, бывший гауптман СС, затаился в Литве и оттуда руководит поделщиками по всей стране. Начиная охоту на гауптмана, сыщики еще не знали, что у этой преступной цепочки есть и другие, более крупные звенья...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-201042-2

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Хочу выразить большую благодарность
Тимуру Абакарову*

Отдел по борьбе с бандитизмом был создан приказом НКВД № 001414 от 30 сентября 1941 г. на базе отдела по борьбе с бандитизмом Главного управления милиции НКВД СССР. Приказом НКВД № 001447 от 1 декабря 1944 г. отдел был преобразован в Главное управление по борьбе с бандитизмом.

«В агентурно-оперативной работе ГУББ по преследованию антисоветского подполья главное внимание обратить на установление местонахождения руководящих центров антисоветского подполья, изъятие и ликвидацию главарей бандгрупп и руководителей антисоветских подпольных организаций и групп, организацию агентурно-оперативных мероприятий, обеспечивающих выявление линий связи, конспиративных квартир, явочных пунктов, практикуя внедрение в состав центров антисоветского подполья нашей проверенной агентуры». 22 марта 1945 г. Л. П. Берия и В. Н. Меркулов подписали совместный приказ НКВД СССР и НКГБ СССР № 00224/00156.

Часть первая

МОСКВА — ОДЕССА

Уже не одно столетие делаются попытки исправить мир при помощи взрывчатых веществ.

Л. Кумор

ХИМЗАВОД

Капитан ГУББ Алексей Комов притормозил свой «Zundapp» на небольшой возвышенности и осмотрелся. Над складом химзавода клубилось дымовое облако, сквозь которое проглядывались языки пламени. Капитан достал бинокль и оценил окружающую обстановку: здание завода вместе со вспомогательными постройками огнем не зацепило — оно находилось на приличном расстоянии от горящего склада. Спасибо проектировщикам.

В паре сотен метров, за бетонным забором, переминалась с ноги на ногу группа мужчин. Двое из них были одеты в полевую военную форму, остальные в гражданку, но все в юфтовых сапогах и вооружены пистолетами. Судя по активной жестикуляции, шло бурное обсуждение происшествия.

«Надо к ним, чтобы прояснили возникшую ситуацию, — подумал Комов. — На обычный пожар Волошин меня бы не послал — я не пожарный. Стало быть, пожар необычный. Чтобы до них добраться, по территории завода нужно давать кругля в пару километров и, проехав заводские ворота, по сути, ехать в обратную сторону. Лучше напрямую, всего-то сотня метров — вон дырка в заборе, одна плита наклонилась — человек пролезет».

Комов свел мотоцикл с щебеночной дороги и сквозь редкий кустарник аккуратно спустился со склона. Оставив мотоцикл рядом с забором, он пролез между бетонными плитами, присоединился к группе людей и стал слушать, что они так бурно обсуждают. Было шесть часов утра по московскому времени.

Начальник отдела ГУББ майор Волошин разбудил его телефонным звонком ни свет ни заря.

— На химзаводе в Подмосковье пожар. — Волошин уточнил адрес. — А до этого что-то взорвалось. Не нравится мне все это. Разберись. Там сейчас начнется суматоха, наедут все, кому не лень. Постарайся попасть туда раньше них. Машину я сейчас вышлю.

— Я на мотоцикле — быстрее получится, — предложил Комов.

— Давай так, — согласился Волошин.

Когда на него обратили внимание, Комов предъявил удостоверение, представился и начал задавать вопросы.

— Что случилось? Если можно, поподробнее.

— Вот он лучше расскажет, — усатый мужчина в брезентовой куртке с капюшоном указал на своего соседа в зеленом халате. — Это наш заведующий лабораторией Нещадов.

Названный Нещадовым ввел Комова в суть дела.

— Это селитра, а селитра не горит сама по себе, но является источником концентрированного кислорода, который вызывает горение. При воздействии высоких температур нитрат аммония начинает быстро распадаться, образуя оксиды азота и водяной пар, что и вызывает горение и взрыв.

— А был взрыв? — уточнил Комов.

— Ну да, — подтвердил Нещадов и недовольно поморщился. — Сначала загорелось, а потом взорвалось. Но вот в чем заковыка. Селитру спичкой или бумажкой не подожжешь, а гореть на этом складе больше нечему.

— Хорошо, что вчера почти все вывезли, — встрял в разговор усатый, оказавшийся завскладом. — А то бы разнесло все окрестности вместе с заводом.

— Похоже на инициацию пожара извне — кто-то поджег, а это надо еще суметь, тут знания и практика необходимы, — предположил Нещадов.

— Естественно, подожгли супостаты, — сказал начальник охраны, парень в военной форме. — Охранник увидел троих, убежавших от склада к забору. Он открыл огонь из пистолета. Вася фронтовик,

хорошо умел стрелять, может быть, в кого и попал, успел доложить по внутренней связи. А потом рвануло, ну и... нет Васи. Зато дыра в заборе осталась. Пора наказывать за разгильдяйство, а то сюда как на прогулку ходить будут.

«Похоже на диверсию; вернее, точно диверсия, а не какой-то там бандитский налет, — подумал Комов. — Может быть, в кого и попал... А куда попал и где подстреленный? Если живой, то успею допросить».

Комов, не говоря ни слова, рванул в направлении, куда убежали диверсанты. Он огибал территорию по широкой дуге, но все-таки напротив склада ему пыхнуло жаром в лицо.

«Пожарных, наверное, уже вызвали. Потушат».

В заборе действительно обнаружилась еще одна дыра.

«Сколько их здесь? Решето какое-то, а не забор».

Сразу за забором стоял лесок из хилых сосен, а чуть дальше, за деревьями, гуднул паровоз.

«Железная дорога. Скорее всего, по ней и смылись поджигатели».

Капитан побежал между деревьями, постреливая глазами по сторонам, и вскоре обнаружил тело, лежащее ничком под кустом. Человек был еще жив, ноги его слегка дергались, а на спине отчетливо алело пулевое отверстие.

«Агония», — моментально поставил диагноз Комов. Прошедший почти всю войну, офицер

разведки, он быстро оценивал состояние раненых.

Перевернув тело, он всмотрелся в лицо совсем молодого человека, одетого в драный светло-зеленый комбинезон. Парень еще пытался дышать, судорожно сглатывая воздух.

«Не жилец, допросу не подлежит. Что он скажет, когда дышать не может. Медицину, конечно, привлечем для порядка, но бесполезно. Реанимационное оборудование они с собой не привезут, а зеленкой здесь не отделаешься», — подумал капитан.

Парень в последний раз дернулся, изогнулся дугой и затих, глядя остекленевшими глазами в небо.

Комов быстро обыскал тело и, кроме всякой мелочи, обнаружил финский нож с наборной рукояткой и до бритвенной остроты отточенным лезвием.

«Самоделка, но качественная, — оценил Ковов. — В зоне такие делают».

Он трусцой побежал обратно. Лицо юноши с приоткрытым ртом и остекленевшими глазами никак не оставляло его. Картинка стояла перед глазами, а в голове роились мысли.

«Дети войны. Ведь их сознание ежедневно загружали победными репортажами о героях и подвигах. Убей немца! Они тоже жаждали стать героями, но не успели, опоздали, играли в войнушку и ждали своего часа, но война закончилась, а на душе свербело, хотелось стрелять и взрывать мосты, и они становились членами банд, увлеченные уже воровской романтикой».

Вернувшись к сотрудникам завода, Комов обнаружил пожарную машину, фургон скорой помощи и эмку, вероятно, от НКВД. Так и оказалось. Подойдя к врачу, топтавшемуся возле фургона и не знающему, куда себя приложить, он рассказал про обнаруженного им раненого, уточнив его терминальное состояние¹. Трое с носилками тут же бросились в указанном направлении. Пожарные начали разматывать шланг, глухо матерясь себе по нос.

Возле группы сотрудников стояли двое с эмблемами НКВД: майор и сержант с автоматом. Комов кратко доложил обстановку.

— Это не обычный бандитский налет, это диверсия, — констатировал майор. — Мы начнем работать, но, скорее всего, дело передадут вам.

— Скорее всего, — согласился Комов.

Волошин оказался прав.

Выбравшись за пределы ограждения, капитан повел мотоцикл вверх по склону по направлению к дороге.

Когда Комов вошел в кабинет, Волошин сидел в задумчивости, поигрывая пером. Потом, макнув его в чернильницу, подписал какую-то бумагу, промокнул чернила, сунул бумагу в папку, перо

¹ Терминальное состояние — отсутствие дыхания и прекращение сердечной деятельности, или обе эти функции настолько угнетены, что практически не обеспечивают потребностей организма в кислороде.

в чернильницу и воззрился на стоящего столбом капитана.

— Ну что стоишь как не родной? Садись, рассказывай.

Комов присел на банкетку, стоящую сбоку от стола. Откуда взялась эта нестандартная мебель, он понятия не имел. Капитан доложил о ситуации на химзаводе. Волошин внимательно слушал, иногда задавая интересующие его вопросы. Потом заключил:

— Стало быть, диверсия. — Он прищелкнул пальцами и одновременно причмокнул.

— Однозначно, — согласился Комов. — И работали профессионалы, по крайней мере один. Взорвать аммиачную селитру не так-то просто. Местный пояснил ситуацию.

— Вот только кто поджог... В нынешнем послевоенном бардаке активизировалось антисоветское подполье. Там в основном орудуют дезертиры, но и обычные банды на подхвате. СМЕРШ создан для войны, а война закончилась. Зато зашевелились иностранные разведки, привлекая тех же дезертиров и вербуя бандитов. Поэтому деньги из ограбленных банков и сберкасс часто идут не налетчикам, хотя они тоже в доле, а на проведение диверсий. На химзаводе очевидный случай. Что на складе с селитрой могут бандюки украсть? Поэтому на зарплате сидят бог знает у какого заказчика.

Майор криво усмехнулся.

— Надо установить личность трупа. Молодой, говоришь? Значит, начали привлекать молодежь в качестве прикрытия и отвлечения внимания, пока старшие делом занимается. А то и самих в самое пекло пихают.

Волошин достал папиросу и закурил. Комову не предложил, зная, что капитан некурящий.

— Пускай пока УГРО химзавод проверяет, накопает что-либо — нам передаст вместе с делом. А ты пока займешься сберкассой — в Хамовниках сберкасса ограбили. Там тоже все не так просто — профессионально сработали, как и ранее с инкассаторами. С этими инкассаторами целый спектакль разыграли: изобразили ремонт дороги, технику подогнали, указали объезд, а там машина попала в замаскированную яму. Четыре трупа. Ладно, возьми своих и разберись со сберкассой. Больно у них там ловко все получилось.

Комов знал, что майор Волошин анализирует и прогнозирует события с большой степенью точности, и в этом вопросе ему полностью доверял. А познакомились они совершенно случайно. В Берлине девятого мая.

БЕРЛИН

Танки стояли в шахматном порядке на тротуарах полуразрушенной берлинской улицы. Экипажи вылезли наружу и занимались кто чем: обсуждали

текущие проблемы, сидя на броне и снарядных ящиках, без аппетита поглощали сухпак, а некоторые лазили по окрестным руинам в поисках трофеев. На тротуаре, на брезентовой подстилке, привалившись спиной к стене, сидел радист в на-ушниках. Из вещмешка торчала антенна от радиостанции, заброшенная в разбитое окно второго этажа. Судя по его выражению лица и периодическому прищелкиванию пальцами, передавали нечто интересное. Вроде бы все тихо-спокойно и даже непринужденно — так это выглядело на первый взгляд. Но только на первый. В поведении бойцов чувствовалась какая-то напряженность, недосказанность, ожидание неминуемых событий.

«Берлин взяли, а дальше что?»

К командиру разведроты Алексею Комову подскочил старшина Жигов с рулоном из холстины.

— Товарищ капитан, вот картина какая-то, в руинах нашел. Странная картина. Я живописью не увлекаюсь — может быть, вам сгодится.

Комов развернул холст.

«Чудища какие-то, — подумал он, посмотрел на автограф в углу картины. — Эрнст, не знаю такого, но любопытно. Может, и сгодится».

— Положи в мой вещмешок.

Комов вернул картину бойцу.

Неожиданно радист вскочил, сорвал с себя на-ушники и заорал благим матом.

— Победа! Капитуляцию подписали!

Никому и ничего объяснять не требовалось — все дружно закричали, размахивая руками. На площади, находящейся по соседству, раздался рев толпы, сопровождаемый стрельбой. Комов затряс кулаками и прослезился. Он воевал с осени 1942-го, и вот оно, свершилось. К нему вновь подбежал Жигов.

— Товарищ капитан, айда на площадь. Там концерт будут давать, сцену соорудили. Наши все собрались. Говорят, артистов привезли.

На последний разведпоиск Комов взял отделение. Остальные отдыхали в полевом лагере.

— На своем броневишке мы туда не прорвемся. Улица забита техникой. А пешком... — он задумался.

— Зачем пешком, — возразил Жигов. — На танке. Я договорился с танкистом.

— А танк что, по воздуху полетит? — Комов криво усмехнулся.

— Танкист сказал, что проедет, мол, знаю хитрую дорогу. А как насчет ста граммов для настроения?

— Положительно. Наливай.

Комов находился в подвешенном состоянии, его психика еще не перестроилась на мирное время. Как это не воевать? А что же тогда делать?

Жигов откуда-то притащил бутылку водки. Выпили, забрались на танк и поехали. И действительно проехали. С солдатами на броне танк свернул в ближайший проулок, свернул еще раз налево и, продавив кованую ограду, выехал на площадь, за-

пруженную солдатами, включая англичан и американцев. Кто-то подъехал на грузовике со шнапсом в ящиках, который сразу же разошелся по рукам. Веселье зашкаливало.

К деревянному помосту подогнали задом тентованный грузовик, где находились артисты в ожидании своей очереди выступать. Рядом с импровизированной сценой угнездился маленький духовой оркестр. На сцене водили хоровод девушки в русских национальных нарядах.

Рядом с собой Комов обнаружил капитана в парадном мундире, что диссонировало с окружающим пейзажем. Комова это развеселило. Он тронул офицера за погон и широко улыбнулся.

— На парад собрался?

— Я из комендатуры, капитан Волошин Валерий, — спокойно отреагировал тот на подначку и улыбнулся в ответ.

Комов не понял, при чем тут парадный мундир, но вопросов задавать не стал.

— Капитан Комов Алексей из разведки. С победой!

— С победой.

Они пожали друг другу руки.

Когда концерт с артистами всех жанров закончился, духовой оркестр продолжил играть. На помосте начались танцы. Комов, выпепив из толпы стройную девицу с медицинскими эмблемами и в укороченной юбке, пригласил ее на танец. Девушка, выразив некоторое смущение, согласилась.

Они танцевали с закрытыми глазами, прильнув друг к другу. Неожиданно Алексей почувствовал, что партнерша расслабилась и как-то осела. Он отстранил ее от себя и обнаружил у нее на спине окровавленную дырку от пули. Комов взял девушку на руки и отнес в грузовик. Никто ничего не понял, оркестр не прекращал играть, танцы продолжались.

— Медики есть? — спросил он артистов, сидящих в фургоне, и, не дождавшись ответа, выскочил наружу и тут же наткнулся на Волошина.

— Еще одного срезали, — спокойно сказал тот как про нечто обыденное. — Твою подругу, как я понял, тоже. Вон оттуда стреляли. — Он указал на здание у края площади. — Второй этаж, третье окно слева. Я как раз в ту сторону смотрел. Снайпер там засел.

Комов сразу все понял — не привыкать.

— Жигов, ко мне! — крикнул он стоящему неподалеку сержанту. Тот подбежал. — Снайпера надо снять.

— Понял. Кого еще привлечь?

— Сами разберемся.

— Я с вами, — сказал Волошин. — Пистолет при мне. Я раньше в УГРО работал, в МУРе.

— Годится, — кивнул Комов.

Группа перешла на край площади, а потом двинулась вдоль стен домов в направлении указанного Волошиным места.

«Хорошо устроился снайперишка — за оркестром не слышны звуки выстрелов, — подумал